

РЕЦЕНЗИИ

**И.Л. ПОПОВА. КНИГА М. М. БАХТИНА О ФРАНСУА РАБЛЕ
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ**
М.: ИМЛИ РАН, 2009. 464 с.

История книги Бахтина о Рабле до недавнего времени представляла одну из самых интересных и загадочных страниц научной биографии ученого. Отметим сразу, что появление рецензируемой монографии И.Л. Поповой проясняет немало моментов жизни и творчества Бахтина. Причем основная задача автора заключается не только в восстановлении жизненного пути литературоведа и философа, но, что гораздо важнее, в создании “биографии идей”. И это автоматически переводит книгу И.Л. Поповой в проблемное поле чрезвычайно востребованных и актуальных для современной гуманитарной науки исследований.

На общем фоне немало числа подобного рода книг, принадлежащих перу как отечественных, так и (в большинстве своем) зарубежных авторов, работу И.Л. Поповой выгодно отличает редкая для сегодняшнего дня основательность, принципиальная опора на бахтинский текст и сопутствующие ему материалы из архива ученого, последовательная авторская установка на привлечение максимально достоверных (т.е. подтвержденных документами) источников, глубокая проработка всего научного контекста. Следует признать, что с таким уровнем “материального обеспечения” предложенной научной гипотезы международное бахтиноведение сталкивается впервые¹. Соответственно, именно многолетняя работа исследовательницы непосредственно с корпусом текстов о творчестве Рабле привела к выходу обеих частей четвертого тома собрания сочинений [1, 2]. Учитывая комментарии И.Л. Поповой в других томах (см. [3, 4]) к текстам, связанным с основной проблемой книги, масштаб подготовительной работы становится более чем очевидным, а степень доверия автору (условие совсем не лишнее при погружении в “биографию идей”) почти безграничной.

Название рецензируемой монографии намеренно отсылает читателя к фактически аналогичному заголовку бахтинской книги о романе воспитания (ср. [5]), но ее содержание оказывается много шире, что представляется несомненным достоин-

ством работы. В то же время стремление автора к расширению проблемного поля оставляет двойственное впечатление. Так, во введении, традиционно предназначенном для произведения подобного жанра для изложения концептуальных основ исследования, автор упоминает об очень многих важных и интересных вещах, но ничего не говорит о ... значении книги М.М. Бахтина о Франсуа Рабле для теории литературы². Здесь, пожалуй, заключена главная проблема, своеобразный камень преткновения для любого непредвзятого рецензента. Решение, облегчающее ход дальнейшего разговора, видится в одном: допустить, что в сознании автора и, соответственно, в содержании книги произошла своеобразная имманентизация основной проблемы, т.е. ответ на вопрос о месте исследования Бахтина в теоретико-литературном сознании содержится в книге по определению, и этому не должно помешать отсутствие в ней непосредственного анализа ряда научных сюжетов, таких как “Бахтин и Ю. Кристева” или “Бахтин и Н.Д. Тамарченко” и т.п.

Исходя из справедливого в целом посыла, что «книга о Рабле, как и другие исследования Бахтина, за исключением опубликованных в 1929 году “Проблем творчества Достоевского”, пришла к читателю с большим опозданием» (с. 5), И.В. Попова, как представляется, рисует слишком уж мрачную картину тотального непонимания идей Бахтина и немотивированной их модернизации. Несомненно, в реальном пространстве отечественной и мировой науки второй половины 1960-х гг. оставшаяся “за кадром” творческая история исследования о Рабле и его культурфилософский “бэкграунд” не были приняты во внимание читателями книги. Но все-таки позволю себе предположить, что это не отменяет ни самого объективного факта принадлежности книги о Рабле интеллектуальной истории десятилетия, когда она увидела свет, ни права на “синхронический” аспект ее интерпретации и у рецензентов-совре-

¹ В этом, впрочем, заслуга не одной только И.Л. Поповой, но и всего коллектива, занятого подготовкой собрания сочинений М.М. Бахтина (С.Г. Бочаров, покойный В.В. Кожин, Л.С. Мелихова, В.Л. Махлин, Н.И. Николаев и др.).

² Добавим к этому, что решение автора ограничиться теорией литературы так и остается довольно загадочным. На вопрос, почему за рамки проблемы выведены история литературы или литературоведение в целом, читатель волен отвечать, как ему угодно.

менников (от Л.Е. Пинского, кстати, предысторию бахтинской книги знавшего более чем полно, до Л.М. Баткина)³, и у оппонентов ближайшего времени (А.Ф. Лосев, В.Б. Шкловский, А.Я. Гуревич и др.). Впрочем, эта сторона “жизни и судьбы” книги о Рабле не кажется автору заслуживающей внимания в силу убежденности в том, что “книга Бахтина так и не получила своего беспристрастного анализа, хотя бы в какой-то мере свободного от идеологической моды. Между тем, если все же признать за ней научную значимость, необходимо для начала выделить и исследовать реальный круг филологических и философских идей, в контексте которых она задумывалась, откликом на которые и/или спором с которыми была” (с. 6). Входило ли в задачу современника, получившего на протяжении 1963–1965 гг. два абсолютно новаторских по методологии и подходам текста, восстанавливать историю их происхождения⁴ и оценивать их место в историческом прошлом литературной науки? И на этот вопрос ответ очевиден.

Понятно, что и рецензент оказывается перед непростой дилеммой: согласиться с правом автора говорить о том, что ему кажется наиболее важным в проблеме соответственно с внутренним убеждением, или все же настаивать на том, что соответствие “горизонту ожидания” читателя играет более значимую роль в общей оценке сделанного.

Остается только предположить, что для И.Л. Поповой, по-видимому, есть две проблемы, существующие почти отдельно друг от друга: книга Бахтина о Рабле с ее научной историей, с одной стороны, и значение этой книги для теории литературы, с другой. В силу ряда причин, о которых автор не говорит, но угадать их не так уж сложно⁵, генезис и развитие бахтинской концепции для исследовательницы на первом месте, а вопросы ее рецепции даже не на втором. И хотя согласиться с подобной авторской установкой не просто, следует признать, что полноценное опи-

сание истории создания книги Бахтина о Рабле и восстановление ее научного контекста для современной гуманитарной науки гораздо важнее.

Не случайно, в первой главе монографии “История идей сквозь призму истории текста: Книга М.М. Бахтина о Рабле в 1930–1960-е годы” последовательно представлены подробный анализ происхождения замысла бахтинского текста на фоне “франко-немецкой полемики 1910–1920-х годов” вокруг изучения языка французского писателя, выявление реальных и потенциальных источников, описание редакции 1940 года, несостоявшихся публикаций текста в Советском Союзе и во Франции. Сюда же включены сюжеты о защите диссертации в ИМЛИ и о ходе ее рассмотрения в ВАКе, о ее переработке на рубеже 1940–1950-х годов, история ее первого издания.

Трудно не согласиться с позицией исследовательницы, декларируемой в преамбуле к главе: “История книги М.М. Бахтина о Рабле свидетельствует о методологической необходимости исследовать генезис научных теорий, идей и понятий сквозь призму истории текста. Поскольку отдельные этапы развития раблезианского сюжета Бахтина, теоретические идеи, их источники и реальный контекст остались в рукописях. Более того, картина, открывающаяся при изучении архивных материалов, в ряде случаев оказывается принципиально иной, чем при анализе опубликованных при жизни автора работ” (с. 7).

Обратим внимание на четкую структурированность предложенной автором схемы: то, что можно было бы назвать проблемно-хронологическим подходом, оказывается не просто “точечным”, но осознанно избирательным. Автору действительно важно показать то, что сам Бахтин определял как “диалогизирующий фон” [4, с. 82]. При этом происходит своего рода актуализация “смежного” научного пространства, отечественному и зарубежному бахтиноведению в общем-то знакомого (см.: [7, 8 и др.]), но специально и подробно им не исследованного.

Углубляясь во все возможные аспекты возникновения бахтинского научного проекта, И.Л. Попова анализирует свидетельства собеседников Бахтина, материалы архива, соответствующий набор текстов “круга Бахтина” и др. Однако ни точных данных о конкретном времени появления первых набросков, ни «поступательного перехода от “Романа воспитания” к “Рабле” не прослеживается. Вероятно, замысел Бахтина развивался сложнее и действительно складывался на протяжении более долгого времени, чем то, что отделяет работу над “Романом воспитания” от первых

³ Куда более примечательная история произошла с воярема пришедшей к читателю книгой о Достоевском. Публикуя ее фрагмент в антологии текстов “формальной школы”, составитель записал его автора в сторонники русского формализма (о “курьезах” раннего восприятия Бахтина на Западе см.: [6]).

⁴ Не припомню, чтобы кто-то из самых ярых оппонентов концепции “полифонического романа” предлагал списать ее “за давностью лет”, хотя об издании 1929 г. помнили все участники дискуссии вокруг “Проблем поэтики Достоевского”.

⁵ Очевидно, что одна из причин – возможность показать все богатство архивных материалов, обильно процитировать, а то и воспроизвести ранее не вводившиеся в научный оборот тексты.

набросков к “Рабле”, в которых общая концепция книги представляется уже детально продуманной» (с. 9).

Впрочем, в отличие от предшественников И.Л. Попова четко формулирует три вопроса как раз по поводу возникновения замысла и его реализации, на которые бахтиноведение до того не смогло дать внятного ответа: откуда, когда и почему у Бахтина возникает интерес к личности и творчеству Рабле. К сожалению, сохранившиеся архивные материалы, как свидетельствуют разыскания автора, дают определенный ответ лишь на первый из вопросов. Интерес к языку Рабле в работах немецких лингвистов (Фосслер, Шпитцер и др.), последовательно отразившийся в ряде бахтинских набросков и конспектов, действительно указывает на один из важнейших источников его концептуального подхода к творчеству писателя. Архив, увы, не дает точных и исчерпывающих ответов на два следующих вопроса. И.Л. Попова предпринимает, пожалуй, самую серьезную попытку связать “раблезианский сюжет” Бахтина с другими его исследованиями середины 1930-х. Можно согласиться с предположением автора о том, что этот сюжет вполне органично вписывается в общий научный контекст бахтинских исследований (от “Слова в романе” до “Романа воспитания...” и др.). При этом автору важно показать имманентную связь бахтинских размышлений о Рабле с новейшей французской раблезистикой, что заметно расширяет обозначенное ранее проблемное пространство.

Нельзя не признать, что автор проделал огромную “черновую” работу, просеивая архивные материалы, рассматривая возможные сюжетные параллели, анализируя “гибельную”, по ощущению самого Бахтина, ситуацию с отсутствием нужных книг и т. д.

В целом обращение к широкому кругу документальных и условно документальных (устных, полуанекдотических – в пушкинском, так сказать, понимании анекдота как исторической легенды) свидетельств позволяет И.Л. Поповой представить историю бахтинского замысла и его воплощения как полную интриги, загадок, неожиданных поворотов сюжета, препятствий. Здесь и достаточно полная характеристика редакций 1940 и 1949–1950 годов, рассказ о планировавшихся, но так и несостоявшихся публикациях рукописи в СССР и во Франции, сама защита диссертации и ее многолетние мытарства при прохождении в ВАКе, подробности первого издания книги. Особое внимание привлекает детализация имеющихся сюжетов: точная датировка

тех или иных событий (находящая дальнейшее подтверждение в материалах приложений), набор убедительно подобранных цитат, – все это делает эту часть рецензируемой монографии особенно интересной, фактографически насыщенной и убедительной.

Специального разговора заслуживает вторая глава книги «Основные термины “Рабле”: генезис и значение». При этом исследовательница из немалого числа терминов, представленных в книге о Рабле, выделяет три, по ее мнению, ключевых: мениппова сатира, карнавал, готический (гротескный) реализм. «Словарь литературоведения XX века пополнился несколькими понятиями, конституирование которых связано с именем М.М. Бахтина, – замечает автор. – Термины “карнавал”, “смеховая культура”, “мениппова сатира” (“мениппея”) и некоторые другие хотя и существовали до Бахтина, но получили в его работах новый смысл, причем переакцентуация значений оказалась столь существенной, что теперь они осознаются именно как термины Бахтина» (с. 109).

Нужно сказать, что И.Л. Поповой удалось предложить читателю всестороннюю интерпретацию бахтинских понятий, сопровождая ее обширными экскурсами в “историю понятий” и в очередной раз показывая глубокое знание теоретико- и историко-литературного фона. Последнее, отметим, особенно важно для таких понятий, как мениппея и карнавал, не просто распространенных Бахтиным за пределы “раблезианского контекста”, но в силу известной парадоксальности биографии бахтинских идей появляющихся в начале 1960-х на страницах совсем другого текста – в новой главе второго издания книги о Достоевском. Речь идет не о восстановлении исторической справедливости – профессионалу-филологу примерная хронология привязки терминов к текстам в общем-то была и так ясна, но конкретная документированность процесса инотекстовой актуализации термина в немалой степени важна для истории отечественного литературоведения.

И.Л. Попова справедливо указывает на поразительную способность Бахтина не только актуализировать заимствуемые им понятия, но и заметно расширять их семантическое наполнение. Правда, автор так и не дает исчерпывающего объяснения причин выбора из всего корпуса терминов именно этих трех. В результате остается неясным, почему исследовательница обошла вниманием, к примеру, “фольклорный реализм”, “народно-праздничные формы и образы” или “смеховое слово”. Нельзя не отметить и странную

несоразмерность объема разделов, посвященных каждому из выделенных автором терминов: двадцать с лишним страниц на “мениппову сатиру”, почти в три раза меньше на “карнавал” (который по своей значимости для бахтинской концепции “мениппее” никак не уступает) и в четыре – на “гротескный реализм”⁶.

Впрочем, сами толкования ключевых понятий выполнены профессионально и убедительно, филологически почти безупречно, что заметно облегчает задачу следующего поколения исследователей бахтинского текста. Характерная для исследовательской манеры И.Л. Поповой широта охвата материала работает здесь как нельзя лучше. Так, разговор о “мениппее” начинается крайне интересными рассуждениями об отношении Бахтина к феномену жанра как такового, что закономерно дополняет сегодняшние представления о специфике жанровой концепции ученого в целом.

«Менее всего жанр интересует Бахтина как чистая дефиниция, – полагает исследовательница, обнаруживая подтверждение своей мысли в конкретном примере. – Но отсюда отнюдь не следует, что Бахтин отрицает жанр как дефиницию. Яснее всего это видно из его определения “сатиры”, в силу отточенности формулировок, присущих словарной статье. Бахтин выделяет три значения слова “сатира”: 1) “определенный стихотворный лиро-эпический мелкий жанр, сложившийся и развивавшийся на римской почве (Нэвий, Энний, Луцилий, Гораций, Персии, Ювенал) и возрожденный в новое время неоклассиками (сатиры Матюрена Ренье, Буало, Кантемира и др.)”; 2) “менее определенный смешанный (с преобладанием прозы) чисто диалогический жанр” – мениппова сатира, возникшая из диатрибы и подготовившая важнейшую разновидность европейского романа; 3) “определенное (в основном – отрицательное) отношение творящего к предмету своего изображения <...>, определяющее выбор средств художественного изображения и общий характер образов” [V, 11].

В первом из указанных значений сатира является жанром в классическом понимании дефинитивной поэтики, как тождественная себе сущность. Придя в своем становлении к самой себе, то есть достигнув самоидентичности у Горация, сатира как “стихотворный лиро-эпический мелкий жанр” обрела “присущую ей природу”,

на которую, как на жанровый образец, ориентировались как римские поэты, так и европейские поэты-классицисты» (с. 132).

Таким образом, И.Л. Попова не только дает определение “центрального и наиболее разработанного в книге Бахтина о Рабле” (с. 143) – позволим себе распространить характеристику, данную автором “карнавалу”, на “мениппову сатиру” и “готический реализм” – понятиям, но радикально расширяет и дополняет набор возможных источников бахтинского тезауруса, правомерно смещает акценты, предпринимая попытку усилить историческую и теоретическую составляющие терминологического поля книги о Рабле.

Переакцентуация привычных представлений характерна и для заключительной главы “Смеховая культура: неучтенные аспекты концепции М.М. Бахтина”. Примечательно, что исследовательница начинает главу разговором о месте термина “смеховая культура” и его “движении” в пространстве бахтинского научного метатекста, подчеркивая тем самым взаимосвязь этой и предшествующей частей монографии. «Понятие “смеховая культура” было введено в первой редакции “Рабле” (1940), – пишет она. – Напомним, что основной терминологический ряд книги сформировался в первой черновой редакции (1938), однако там понятие “смеховая культура” отсутствует: Бахтин говорит о смехе и теориях смеха, но термином “смеховая культура” не пользуется; только в Дополнениях к первой черновой редакции появляется понятие “смеховая литература”, а вместе с ним – идея двух линий средневековой словесности, “высокой” и “смеховой” [IV (I), 674]» (с. 149).

Вслед за этой обширной преамбулой, посвященной “смеховой культуре” и, на мой взгляд, вполне достойной отдельного параграфа, следуют два фрагмента, первый из которых посвящен проблеме “влияния францисканской традиции на формирование идеи возрождения, философию истории и литературу” (с. 158) в текстах Бахтина 1920–1960-х годов. В центре второго – тема “Рабле и Гоголь” у Бахтина как отдельный “научный сюжет” (с. 172). Отметим, что этот раздел книги можно без сомнения отнести к числу авторских удач. «Интерес Бахтина к Гоголю не ограничивался, – как справедливо указывает исследовательница, – как справедливо указывает исследовательница, – ракурсом, заданным в “Рабле”; по некоторым сведениям, Бахтин намеревался писать о Гоголе книгу, конспекты и наброски к которой, сделанные во второй половине 1940–1950-х годах, еще ждут своей публикации и системного комментария» (с. 172).

⁶ При этом только полемика автора с интерпретацией данного термина, предложенной Н.А. Паньковым (см.: [9]), так и напрашивающаяся по сюжету, могла бы заметно расширить текст параграфа.

Многие годы воспринимавшийся как вполне автономный текст этот фрагмент диссертации о Рабле не просто возвращен И.Л. Поповой в адекватный контекст, но органично вписан ею в общее пространство бахтинской концепции смеховой культуры. При этом сам ученый выходит далеко за пределы привычного средневеково-ренессансного хронотопа, прочерчивая не только линии литературной традиции от Рабле и Шекспира к Гоголю, но и обозначая своеобразную стилевую “квадригу” из Гофмана, Гоголя, Диккенса и Теккерея. Еще более важным представляется то, что анализируемый И.Л. Поповой фрагмент о Рабле и Гоголе имеет методологическое значение для изучения истории становления и развития романного слова в русской литературе. Раскрытие этого действительно мало затрагивавшегося аспекта можно определить как существенное дополнение к бахтинской теории романа.

Не раз уже отмечавшаяся нами методологическая глубина и культурфилософская эрудиция автора находят отражение в Заключении рецензируемой монографии. Об этом свидетельствуют и внушающий уважение весомостью формулировки подзаголовков «Проблема сознания, создающего образ другого и образ себя самого, как “узловая проблема философии”: взгляд после “Рабле”» (с. 185), и само содержание заключения, в котором автор отдает предпочтение не традиционному подведению итогов, а гораздо более сложным материям, например, философскому диалогу Бахтина и Кьеркегора с обильным параллельным цитированием русского и немецкого переводов датского мыслителя.

Специального упоминания заслуживают занимающие вторую половину книги пять приложений. Это переписка М.М. Бахтина о судьбе “Рабле” (1940-е гг.); отзывы Б.В. Томашевского и А.А. Смирнова о варианте книги 1944 г.; материалы защиты диссертации М.М. Бахтина; документы о ходе издания книги о Рабле в 1960-е гг. Не стану повторять, что публикуемые здесь материалы имеют чрезвычайное значение и для дальнейшего изучения научного наследия М.М. Бахтина, и для истории российского литературоведения. Заслуги И.Л. Поповой, от которой потребовались значительные усилия по поиску, подготовке и публикации части архивных материалов, не умаляет даже то, что другая их часть хорошо известна, не раз публиковалась и без труда доступна в Интернете (это касается прежде всего событий вокруг бахтинской защиты и прохождения диссертации в ВАКе). Впрочем, подобная “гипертекстуальность” приложений для читателя скорее удобна,

несмотря на то, что это сказывается на объеме книги.

Подчеркну, что упомянутые в рецензии недостатки монографии не принципиальны и по большей части оказываются продолжением ее же достоинств. Глубокая и интересная книга И.Л. Поповой свидетельствует о том, что отечественное литературоведение уже готово серьезно и подробно обсуждать научное наследие предшествующих десятилетий, вовлекая его ключевые концепции в самый широкий европейский гуманитарный контекст. По крайней мере, нет никаких сомнений, что с появлением исследования И.Л. Поповой, равно как и ряда других публикаций [10, 11, 12], начинается новый этап российского бахтиноведения, главная задача которого заключается в реконструкции научного контекста и дальнейшего описания всего корпуса идей Бахтина с опорой на собрание сочинений ученого и сопутствующие архивные материалы.

О.Е. Осовский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 4 (1). М., 2008.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 4 (2). М., 2010.
3. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 5. М., 1996.
4. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 6. М., 2002.
5. *Бахтин М.М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 188–237.
6. *Осовский О.Е.* В зеркале “другого”: рецепция научного наследия М.М. Бахтина в англо-американском литературоведении 1960 – середины 1990-х годов. Саранск, 2003.
7. *Киржаева В.П.* Лингвистическая проблематика в книгах, статьях и набросках Бахтина. Статья первая // М.М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Саранск, 2002. Вып. 1. С. 36–55.
8. *Осовский О.Е.* Ф. Рабле, карнавал и карнавальная культура в работах М.М. Бахтина 1930–1950-х гг. // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2002. № 1. С. 59–74.
9. *Паньков Н.А.* Смысл и происхождение термина “готический реализм” // Вопросы литературы. 2008. № 1. С. 227–248.
10. Михаил Михайлович Бахтин. М., 2010.
11. *Паньков Н.А.* Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М., 2010.
12. Хронотоп и окрестности: Юбилейный сборник в честь Николая Панькова. Уфа, 2011.